

ная школа не въ состояніи была провести своего взгляда въ какомъ-либо цѣльномъ научномъ трудѣ, въ чемъ-либо, кромѣ газетныхъ филиппикъ, считающихъ себя въ правѣ отдѣляться напыщенными фразами отъ дѣйствительно критическаго разсмотрѣнія предмета.

Особенною заслугой новѣйшей исторіографіи было стремленіе раскрыть забытую или пренебрегаемую прежде народную сторону исторіи, — роль народа, его силъ и характера, въ созданіи государства, и судьбу народа въ новѣйшемъ государствѣ. Это историческое вниманіе къ народу было параллельно съ тѣмъ интересомъ, который развивался въ то же время въ общественныхъ понятіяхъ подъ вліяніемъ крестьянской реформы, и поддерживалось общимъ развитіемъ науки (успѣхи филологіи, бытовой исторіи, этнографіи и наукъ соціально-экономическихъ). Больше чѣмъ когда нибудь историческая пылливость обращалась къ тѣмъ эпохамъ и явленіямъ исторіи, гдѣ выказывалась дѣятельная роль народа: таковы были эпохи древней исторіи, время вѣчевого устройства и народоправствъ, время народной колонизаціи; далѣе время междоусобицъ, когда народное сознаніе спасло государство отъ висѣвшей надъ нимъ опасности; время народныхъ волненій въ концѣ XVII вѣка, время раскола; наконецъ, новѣйшій бытъ народа подъ крѣпостнымъ правомъ, народные волненія и бунты — результатъ народныхъ тягостей, народные нравы и обычаи. Прежніе историки, занятые всего болѣе политической исторіей и судьбами верховной власти, мало или совсѣмъ не замѣчали этой стороны событій, или излагали ихъ чисто-внѣшнимъ образомъ, какъ явленія уединенныя, анекдотическія, или наконецъ не имѣли возможности на нихъ останавливаться, потому что этотъ разрядъ былъ удаленъ отъ историческаго изслѣдованія цензурнымъ запрещеніемъ. Во время господства официальной народности, особое запрещеніе легло на описаніе эпохъ народныхъ волненій, — въ томъ числѣ даже временъ междоусобицъ: опекуны не догадывались, что именно эта историческая эпоха будетъ, немного времени спустя, считаться эпохой монархической и консервативной доблести русскаго народа, который, спасши государство отъ чужеземнаго нашествія и внутренняго раздора, отдалъ его судьбу въ руки династіи Романовыхъ.

Теперь эти запрещенія (по крайней мѣрѣ для старой исторіи) снялись сами собой, и новыя изслѣдованія восполняли недостатокъ цѣлой отсутствовавшей стороны исторіи. Мы называли